

СЛОМ ИМПЕРИИ

АНДРЕЙ КРУЗ

ПРОРЫВ

Книги Андрея Круза
в серии «Эпоха мертвых»

НАЧАЛО
МОСКВА
ПРОРЫВ

АНДРЕЙ КРУЗ
ПРОРЫВ

Роман

Москва, 2011

&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

ПРОЛОГ

Полтора месяца с момента наступления Беды. Старый мир исчез, словно его и не было никогда, и даже огромный, брошенный людьми город, раскинувшийся рядом, уже не убеждал в том, что совсем недавно у нас была совсем другая жизнь. Тесный двухместный номер в старом общежитии для слушателей академии с удобствами в конце коридора казался уже привычным и даже комфортным жильем — достаточно было увидеть, как живут те, кому не так повезло.

А мы... у нас вроде все нормально, если по новым понятиям судить. Есть жилье, есть оружие, есть машины, нас даже кормят и снабжают горючим, премируют за удачные вылазки и относятся с уважением. Есть, правда, и минусы — очень легко можно остаться без башки, и это еще не худшая из доступных опций. Худшая — это превратиться в смердящую безмозглую тварь и так бродить по земле или валяться в мертвецком беспмятстве в каком-нибудь грязном подвале, ожидая появления добычи поблизости. Нет, лучше уж без башки, как-то честнее перед мирозданием получается, если такое еще осталось. Потому как сам факт, что мертвые идут по земле, чтобы питаться от живых, уже заставляет усомниться в существовании каких-либо его основ.

Сергей Крамцов, «партизан», бывший аспирант

2 мая, понедельник, утро

Если быть честным, ну хотя бы в глубине души, то надо прямо сказать — этот день я оттягивал всеми возможными способами. Не признаваясь в этом даже самому себе, я старательно и увертливо избегал сделать первый шаг по дороге, ведущей от

безопасности территории учебного центра «Пламя», куда занесла нас прихотливая судьба, до затерянного в вятских лесах ЗАТО¹ Горький-16. Оранжевый пенопластовый параллелепипед размером с два кирпича, в который были запаяны титановые капсулы с так называемым «материалом», должен был быть доставлен в этот тайный город, в такой же тайный военный центр. Именно этот контейнер, хранящийся в сейфе секретной части центра «Пламя», был и главным побудительным мотивом к этому походу, и главным моим извинением перед самим собой, которое позволяло принимать решения, не всегда даже до конца моральные. У нас есть миссия — или епитимья, как хотите, так и называйте, — и она должна быть исполнена.

Тут я чуть-чуть душой покривил. Миссия, или епитимья, есть только у меня и еще у девушки по имени Ксения Дегтярева — именно нас судьба намертво привязала к тем роковым событиям, из-за которых погиб окружающий нас мир. И грех было бы отрицать тот факт, что немалая доля нашей вины в этом тоже есть, и если хочется еще смотреть на себя в зеркало, не пытаясь при этом каждый раз плюнуть, то епитимью надо исполнять. Смыть кровью, как говорили в Отечественную.

Если бы все зависело только от меня, то я бы в этот путь отправился один. Или ладно, вдвоем с Ксенией, раз уж у нее схожие мотивы, но больше никто из тех, кто входил в наш отряд, не имел ни малейшего касательства к Катастрофе. Но я точно знал, что уехать вдвоем нам не дадут. По разным причинам, но не дадут. Хотя бы потому, что мы действительно стали именоваться отрядом, причем собравшимся добровольно и уже доказавшим неоднократно свое право так называться. А хорошие отряды не разбегаются.

Не высказать свое отношение к мысли о том, что едут все, я все же не мог, поэтому пару дней назад, после ужина в столовой, как у нас все совещания и проходят, я попросил всех задержаться. И теперь передо мной, обсев длинный стол, уставленный сейчас кружками с чаем и чайниками, сидели мои люди.

Сидела моя девушка Татьяна, бывший тренер по дзюдо, любительница мотоспорта, которая сейчас была в отряде одним из штатных механиков-водителей.

Сидел за столом мой друг Леха, в свое время, как и я, отслу-

¹ Закрытое территориальное образование; так называемые закрытые города вроде Арзамаса-16, работавшие в основном на оборону.

живший в Чечне, который у нас был за снайпера и главного оружейника, а рядом с ним — его девушка Вика, она у нас теперь за старшину и просто стрелка.

Сидел бывший офицер внутренних войск Сергеич, которого нам довелось спасти, и он прибил к нашему отряду, не претендуя на главные роли и старательно обучая всему нужному личный состав.

Сидела рыжая и красивая Маша, мать двоих детей, кстати, которую мы спасли вместе с Сергеичем, и она тоже осталась с нами и обнаружила удивительный талант снайпера, чего никто не ожидал от бывшей банковской служащей. Ее дети, сын Сашка и дочь Лика, тоже были поблизости, носились по огромному залу столовой вместе с другими детьми.

Сидел Мишка Шмелев, он же Шмель, тоже давний мой друг, еще с войны, служивший в моем же полку механом на «копейке», ну и здесь не изменивший своей специальности. Рядом с ним расположился его отец, Степаныч, который мало того что был у нас за главного механика, так уже между делом узурпировал должность такового во всем центре «Пламя», занимаясь, правда, только автомобильной техникой.

С ними были Валентина Ивановна — шмелевская мать, крепкая тетка к пятидесяти, и Катя, сестра, круглолицая и белобрысая девчонка четырнадцати лет, конопатая, как перепелиное яйцо. Валентина Ивановна работала медсестрой в местном госпитале — на удивление неплохо, а Катя пристроилась в школе, открывшейся на днях, помощницей учительницы младших классов. К детям тут относились всерьез, хотя бы потому, что немало сирот успели спасти, да и на фоне погибшего мира только дети оставались символом надежды на его возрождение. Не будь их — и хоть сам в гроб ложись.

Еще прямо напротив сидела Аня Дегтярева — младшая сестра Ксении, хорошенькая коротко стриженная блондинка всего лишь шестнадцати лет от роду, в прошлом восходящая звезда тенниса, которой Катастрофа так и не дала взойти и которая была с нами с самого начала и оказалась на высоте в любой ситуации, какие бы проблемы нас ни встречали.

С ней рядом сидела Ксения, старшая сестра, та самая участница дурацкого детского хулиганского заговора, в результате которого на территории НИИ, где я работал, грохнул взрыв. И благодаря этому самому взрыву, а также невероятному, возможному с вероятностью один на миллион случаю открылись

клетки с зараженными животными, которые вырвались на свободу, разнося вирус по всей Москве, а уже из нее он с ураганной скоростью, не очень даже реальной, распространился по всему миру.

Ни она, ни Аня, ни даже сидящая рядом с ними Алина Александровна Дегтярева, молодая и красивая женщина средних лет с умным и породистым лицом, никто из них не знал, что жертвой этого самого случая стал Владимир Сергеевич Дегтярев, муж Алины Александровны и отец Ксении с Аней. Он взял с меня слово, что я буду скрывать его гибель, и семья считала, что он находится в секретной лаборатории в Горном Алтае и с ним просто потеряна связь. Пусть так и будет.

Рядом с Ксенией сидел Пашка — молодой и веселый бывший студент из Красноярска, сын военного, хороший стрелок и боец, отчаянно влюбленный в свою соседку, что я незаметно и ненавязчиво поощрял — он теперь при ней как постоянный телохранитель, а заодно и при сестре. Пашка был у нас еще и за водителем, причем не чего-нибудь, а нашей самодельной «кашэ-эмки»¹ — «буханки», в салоне которой мы установили рацию. А радистками были эти самые сестрички, что позволяло легально держать их подальше от драки, да еще и под защитой верного Пашки.

Хотя, если не кривить душой, следует признать, что сестрам защита не так чтобы и в самом деле требовалась. Времена наступили такие, что девочки прошли через многое, через что в другие годы и взрослым мужикам, подолгу служившим, проходить не приходилось. Довелось им и воевать, и отбиваться, и самое страшное, что довелось им делать, — убивать. Убивать живых людей.

На самом дальнем конце стола сидел мужик лет тридцати, немного упитанный, но рослый и мощный, которого звали Володей, но которого все справедливо именовали Большим. Когда-то отслуживший в воздушно-десантных войсках и увлекавшийся вольной борьбой парень, который после службы окончил институт связи и потом долго работал программистом, надевая сало на боках и постепенно теряя форму. Вместе со всей семьей и коллегами по работе он оказался заблокирован ожившими мертвецами в своем же офисе, откуда и был спасен группой военных из центра «Пламя».

¹ КШМ — командно-штабная машина.

Этот случай настолько потряс его, что он всеми правдами и неправдами стремился сменить свой статус «технаря» на статус «бойца» и в результате перескочил все же в наш отряд на должность пулеметчика — а кому, как не ему, слону такому, таскать ПКМ¹ или радию? За свою физическую форму он взялся с каким-то остервенением, и в результате его благоприобретенная полнота спадала, уступая поле боя неслабым мышцам. И вдобавок Володя обучал сестренку работе с радио, чем еще больше доказывал свою необходимость отряду.

Завершали список личного состава кот Барсик, валяжный и лохматый, который валялся сейчас на коленях у Алины Александровны, и здоровенный кобель Мишка, обживший в качестве собачьей будки грузовик «Садко» с кунгом, в котором у нас располагался передвижной склад всяких полезностей и прочих матценностей. Поэтому на ужине кобель не присутствовал.

— В общем...— начал я свою не слишком подготовленную речь, — так или иначе, но мне надо двигаться в «Шешнашку». Тянуть дальше нельзя, ну и плохие люди показались на горизонте. Дойду туда, отдам «материал» — половина проблем уйдет, потому что смысла гоняться за мной уже не будет. Не отдам... скорей всего, поймают. Или другим способом дотянутся, с них станется. Это те самые, которые тогда на дачу приезжали, не забыли, надеюсь.

— Забудешь тут, — усмехнулась Аня.

Она точно не забудет. Один из тех нехороших людей, что приехал тогда с целью всех нас убить, и открыл ее «личный счет», завалившись с простреленной головой на грязную весеннюю землю. Должна помнить.

— С походом все понятно, — закончил я вступление. — Но сказать я хочу то, что отправятся со мной только добровольцы. Я буду настаивать на том, что даже не все добровольцы войдут, так сказать, в списки личного состава. В штат, если угодно. Это касается двух человек — Маши и Большого. Не возьму.

— Это почему? — спокойно спросила Маша. — Надо обосновывать, и желательно всерьез.

Обосновать действительно надо — Маша со своим талантом стрелка была почти незаменима, что уже не раз доказала. Да и ее личный счет убитых, причем отнюдь не мертвяков, уже впечатлял. И все же...

¹ Пулемет Калашникова модернизированный.

— Маша, у тебя дети, — ответил я. — Двое. Отца они уже потеряли, не хватало еще и мать потерять. А вероятность такая есть.

— Серый, знаешь, — ответила она задумчиво, — ты все же не очень хорошо понимаешь ситуацию. Если бы вы меня тогда не спасли, то погибла бы и я, и сами дети. Притом чем больше времени проходит, тем лучше я это понимаю. Насмотрелась.

— И что...

— Я не закончила. — Она подняла ладонь, останавливая мою ответную речь. — Если бы я не вступила в отряд, то была бы одной из множества спасенных домохозяек, которых не знают куда приткнуть и которые живут чуть ли не из милости. Утрирую немного, но ты меня понял. Так?

— Ну... да, понял, — кивнул я.

— Получается, что отряд меня превратил в ту, кто я есть сейчас, которая себя раннюю даже не узнала бы, повстречай на улице. Поэтому бросать отряд я не собираюсь. И ты не настолько здесь командир, чтобы суметь мне это приказать, — закончила она, разведя руками.

— Ну насчет командира ты погорячилась. Прикажу — строевым пойдешь в детский сад работать, — предпочел я развеять иллюзии. — У нас по-другому и быть не может. Но тебя я тоже понимаю. И все же предпочел бы, чтобы ты осталась в «Пламени».

— А я предпочту не принимать предложение, — столь же категорично ответила Маша.

— У меня, как я понимаю, такая же ситуация? — вступил в разговор Большой. — Или доверие утратил?

— Такая же, — обернулся я к нему. — Ты семейный человек.

— Это не аргумент, — пожал он плечищами. — Год-другой пройдет, и здесь все будут семейными. И детей нарожают. И что, все забудут, как из расположения выходить? Это же еще и способ зарабатывать на жизнь — лезть куда не надо, никуда от этого не денемся.

— Серый, он прав вообще-то, — вдруг влез Леха. — Теперь всегда такая жизнь будет, надо смириться. У тебя не получится кого-то пускать в дело, а кого-то постоянно в тылу держать.

Так, объединились. Получилось даже хуже, чем я заранее ожидал. Думал, что придется спорить с каждым в отдельности, а они в единый фронт. Солидарность, блин. В драку рвутся. Только вот тонкость — проблема-то, по большому счету, моя, а

лезут в нее они, которые к случившемуся — никаким боком, и «кровью смывать» им точно ничего не надо. Это мне надо. Это моя проблема.

— Леха, и что предлагаешь? — спросил я уже у него.

— А что тут предложить можно? — даже удивился он вопросу. — Ты сам все и сказал уже. Едут добровольцы, мы с Викой уже в списках. А Машу с Вованом не оскорбляй, они не хуже других.

— Он прав, — окончательно добил меня Сергеич.

Сергеич хоть на должность командира не претендует, но все же на особом положении. И возраст за сороковник, и опыта хватает, и авторитета у него в отряде на десятерых. Если уж он на их стороне выступил, то мне сопротивление не преодолеть.

— Кроме того, у нас именно в таком составе отряд на полноценную боевую единицу похож, — добавил он. — Иначе придется или обходиться без кого-то, или что-то на ходу придумывать, в ущерб боеспособности.

— Вообще-то речь не о боях идет, а о том, чтобы куда-то тихо и быстро пробраться, а потом оттуда точно так же тихо и быстро смыться обратно, — предпринял я последнюю попытку. — Меньше народу — выше скрытность.

— Да ничего подобного, — даже отмахнулся он. — У одного «уазика» и двух — скрытность одинаковая. И у трех такая же. Зато есть возможность идти с «головняком»¹, есть возможность пересесть на другую машину в случае потерь в технике... продолжать надо или сам грамотный?

Да грамотный я, грамотный, сам прекрасно понимаю, что в меньшем составе идти будет сложнее, но все же... Ладно, была не была, что мне еще остается? Тем более что Сергеич добавил:

— И личному составу отличная подготовка в дальнем рейде. Когда еще такая оказия выйдет?

Я помолчал, затем кивнул, сказал, обращаясь уже ко всем:

— Значит, идут все, кто выскажет такое желание. В расположении части остаются Степаныч с супругой и дочерью, на охране и обороне нажитого имущества и подготовке транспорта к будущим победам, и Алина Александровна.

— Сережа, а вы уверены? — вступила в разговор Дегтярева.

Вот он, момент истины. Именно этот разговор я все оттяги-

¹ «Головняк» не в смысле «проблема», а в смысле «головной дозор», военный жаргон.

вал и оттягивал, и именно он и является главным. Поэтому я посмотрел ей прямо в глаза и сказал:

— Уверен, Алина Александровна. Мало того, я на этом настаиваю.

Выражение лица у нее изменилось на строго-упрямое, в стиле «ты мне обещал».

— Сережа, вы мне обещали.

Точно, обещал. Обещал отвезти к мужу, который погиб у меня на глазах. Причем к живому. Такое он, муж, с меня обещание взял. Правда, на тот момент никто не знал, во что именно выльется утечка этого вируса. А сейчас внешние условия изменились, и на обещания не повлиять они никак не могли. И повлияли.

— Что я вам обещал, Алина Александровна? — спросил я жестко. — Отвезти вас в Горький-16? А зачем?

— Там Володя... — чуть растерялась она.

— Владимир Сергеевич улетел на Алтай. При чем тут теперь «Шешнашка»?

— Но он должен был ждать нас там... вы же сами сказали, — вконец растерялась она.

Похоже, что с такого угла зрения она проблему не рассматривала. Ну ничего, сейчас я ей в этом помогу.

— Алина Александровна, а когда я вам это сказал? Разве тогда все вот так выглядело? — Я обвел рукой стены столовой, подразумевая при этом окружающий мир. — Скажите, если бы я, допустим, в тот день пригласил вас в Большой театр вместе с дочками, вы бы сегодня так и ждали исполнения этого обещания? Что-то изменилось за стенками с тех пор, как мне кажется.

— Но Володя имел привычку сдерживать обещания... — Тут она уже губы поджала.

— И как он должен был их сдержать? — спросил я. — Как добраться в такой обстановке почти от монгольской границы до Кировской области? Это сколько тысяч километров?

— Есть же самолеты...

— Алина Александровна! — вздохнул я. — Ну кто даст одному-единственному человеку самолет для того, чтобы он мог встретиться с семьей, в то время как вокруг гибнет мир и каждый литр топлива, каждый час моторесурса уже на счету? Вы серьезно?

— Володя — выдающийся ученый. Он им нужен, чтобы сделать вакцину, — ответила она.

Я и рот не успел раскрыть, как, к моему удивлению, в разговор влезла Ксения.

— Ма, как я думаю, он все, что мог, уже сделал,— жестко так сказала, прищутив темные глаза.— Достаточно. Все наше семейство сделало. Поэтому смею предположить, что дальнейшее наше участие в научном проекте не строго обязательно, мир как-нибудь переживет.

— Это не отменяет главного: он может быть там,— ответила ее мать.

— Нет, не может,— снова заговорил я.— С ним может быть связь оттуда, это одно ведомство, и у них связь должна быть. Максимум, на что мы там можем рассчитывать, это на то, чтобы узнать, где он и что планирует. Думаю, что такой задачей нам и следует ограничиться.

— И что?

— То, что ваше присутствие там необязательно. Связаться мы сможем и без вас. Если вдруг каким-то чудом он окажется там, то мы постараемся его увезти. Если он не сможет уехать — придумаем, как доставить вас к нему.

— Тем более что мы намерены вернуться сюда,— сказала Аня.— Там мы не останемся.

— Аня! — возмутилась Дегтярева.— Это же твой отец!

— И что нам при нем делать? — удивленно подняла брови она.— Мы здесь уже уважаемые люди, несмотря на пол и сопливый возраст, с нами дяди-спецназеры с почтением здороваются, а там что? Полы мыть в лаборатории? Спасибо, не надо, мне моя нынешняя работа нравится больше.

Тут она не соврала. А уж после нашего последнего набега на библиотеку, из которого мы притащили целых четыре рюкзака, набитых вселенской мудростью на оптических носителях, авторитет наш в «Пламени» стал совсем настоящим, никем не оспариваемым. Мы перестали бояться, что кто-то спросит, на каком основании такая толпа народу у них харчуеться и расходует дефицитное топливо,— окупаемся. Ну и не только я это понимаю, все остальные в отряде тоже ощущают. Поэтому позиция Ани мне очень даже понятна — куда лучше жить там, где тебя ценят и уважают, чем где-то еще.

Алина Александровна замолчала растерянно, сильно потеряла лицо ладонями, затем спросила меня:

— Сережа, вы же с ним работали. Неужели вам не хочется вернуться к науке, заняться вакциной?

— Нет,— ответил я категорично.— Все, что творится вокруг,— это наука, точнее, результаты игр с ней. Я впредь к ней никакого отношения иметь не собираюсь. Забыл как страшный сон. Баста.

— И что предлагаете?

— Я все сказал,— пожал я плечами.— Ждите нашего возвращения, все выяснится. Обещаю, что если Владимир Сергеевич там, то я придумаю способ вас к нему доставить. Вплоть до того, что договорюсь насчет самолета.

— А если не там? — Голос ее чуть упал.

— Ну... тогда постараюсь выяснить все, что возможно,— пожал я плечами, после чего с усилием соврал: — Но уверен, что с ним все нормально. Там, куда он улетел, горы, глухомань и военный объект максимальной степени секретности, так что они там как в крепости.

— Хорошо бы,— вздохнула она.

К облегчению моему великому, на этом самая скользкая часть собрания закончилась. Алина Александровна смирилась. К счастью, у нее уже работы хватает, она же психолог, а здесь множество сирот, людей, потерявших близких, вот и делает, что может. И в школе тоже работает. Это праздный ум опасен, он в силу незанятости подчас удивительные вензеля выписывает.

И хорошо, что Степаныч с семейными тоже в поход рваться не стал. Но Степаныч мужик трезвый и рассудительный, понимает, что к чему. Ни он, ни Валентина Ивановна даже Шмеля отговаривать не стали. Все они понимают.

— Итак, вопрос ко всем,— снова заговорил я.— Кто едет в Горький-16? Поднимайте руки.

Подняли, разумеется, все, а я рукой махнул. Не судьба бороться против всех. Пусть будет, как будет, видит бог — я пытался. Зато голос поднял Степаныч:

— Серега, ты цеу дай, какой транспорт готовить. С утра и начну.

— Как какой? — чуть удивился я.— «Садок» и два «козла».

— На хрена тебе «садок» в колонне? — озадачил он меня вопросом.— Ты в нем ночевать собираешься всей группой?

— Ну... да. А что?

— Зря. Ночлег и так сумеешь найти, земля пустой осталась,— сказал он.— Или палаточки возьмите, в лесу не страшно.

— А ведь верно, — кивнул Сергеич. — Степаныч, я понял. Ты предлагаешь «буханку» с прицепом взять?

— Точно, — ухмыльнулся Шмель-старший. — Топливо такое же, как и у «козликов», много деталей общих, расход умеренный, и Пантелеев обещал дополнительную связь выделить.

А толково, верно. «Буханка» у нас за штабную машину и так работает, и подготовка под установку дополнительной рации там сделана. И Аня с Ксенией и Пашкой вполне слаженный экипаж, не надо ничего мудрить. Зато сама машина достаточно компактная, а в случае проблем можно и детали перебросить: начинка одна и та же. Прицеп у нас полутонный, так что «уазик» его потянет без всяких проблем. На него весь запас топлива нагрузить, а внутрь запас еды закинуть. Все равно большая часть боекомплекта по рейдовым УАЗам распределяется, чтобы все под рукой было.

А брать большой «садок» с кунгом из-за одного ночлега смысла нет, всегда можно какое-то безопасное местечко присмотреть. Да даже в деревне на ночлег напроситься к кому-нибудь, заплатив пистолетом с патронами, например. Кто теперь откажется? «Садки» на будущее пригодятся, для мародерки всякой и движения с грузом.

— Ну да, верно, — согласился я. — Так и сделаем. Два дня на подготовку. Я завтра с утра к Пантелееву, он нам какие-то призы обещал за библиотеку, постараюсь получить до выезда. И всем спасибо за то, что никто не отказался.

Сергей Крамцов

3 мая, вторник, утро

Пантелеев был доступен и, предугадав, зачем я его ищу, время терять не стал и приказал рулить прямо на склад, куда мы и подъехали на «Лэндкрузере» Лехи, исходя из того, что объемистое чрево этой машины должно вместить весь запас предполагаемых ништяков. Подполковник был в хорошем настроении, даже одет неформально — то вечно в разгрузке и с автоматом, словно на войну собрался, а тут, в честь неожиданного майского тепла, из военного на нем были лишь камуфляжные штаны и пистолет в кобуре. Обут был в кроссовки, а мускулистый торс обтянут красной трикотажной майкой.

— Ну что, Серый, собрался все же-на? — спросил он, протягивая руку.

— Так точно, пора, — ответил я на приветствие. — Запас отмазок закончился, даже для самого себя пригодных.

— Ну и правильно, — кивнул он. — Самое время-на. Раньше сядешь — раньше выйдешь. Беспредел на дорогах закончился-на, а передел еще не начался. У тебя по средствам связи ведь заявка была, так?

— Так точно, — кивнул я. — Не помешают. Разделить отряд не могу, всего одна мощная рация, остальные так, короткие.

— Да, это нехорошо-на, — согласился он. — В общем, дам тебе две «сто пять девять» со всем полагающимся, считай-на, что в оплату за Техническую библиотеку. Научники наши в восторге, и уже из других мест народ просит всякой-на информацией поделиться. Не ожидал-на, что такую умную вещь вы придумали.

Я аж вздохнул с облегчением и перекрестился. Проблема со связью давила на меня больше всего, никак ее обойти не получалось. И без связи нельзя. Все остальное у нас есть, по большому счету, нужды ни в чем не испытываем, а вот рации...

— А когда получить можно? — спросил я, чтобы не откладывать все в долгий ящик.

— Да сразу после склада и получите-на в роте связи, — пожал он плечами. — Командир уже приказал-на, так что вопросов нет, и связистов предупредил, чтобы не триппер какой давали, а в хорошем состоянии. Есть специалист, чтобы принял-на?

— Есть, это без проблем.

— Ладно, тогда в склад пошли-на.

Встретил нас там уже знакомый старший прапорщик, тот самый, что месяц назад нам оружие здесь выдавал. На этот раз искать ему ничего не пришлось, видать, Пантелеев заранее обо всем распорядился. На полу, на деревянном поддоне, были разложены шлемы стопками, броники в полиэтиленовых пакетах, еще какие-то упаковки, два ящика с патронами и серые картонные коробки, судя по виду — с пистолетами.

— Значит, смотри-на, — сказал Пантелеев. — Один ночник тебе даю, на СВД¹. — Он поднял брезентовую сумку с прицелом, открыл ее. — Больше не проси, но один дам.

¹ Снайперская винтовка Драгунова.

— Это спасибо! — обрадовался Леха. — А то у нас по нулям с таким делом.

Пантелеев кивнул.

— Теперь сюда смотри-на. — Он указал на патронные ящики. — Это патроны УС¹, знаешь, что такое, да?

— С пэбээсами? — сразу спросил я.

— Естественно-на, — кивнул он. — Все семь-шестьдесят два, это с длительного хранения-на. Нормальные патроны раздали-на, разделили, а эти-на, вроде как специальные, по складам частей раскидали. Есть у тебя автоматы под этот калибр, так?

— Так точно, аж четыре, — радостно подтвердил я. — А пэбээсы какие?

— ПБС-1², нормальный-на.

— А то у нас в роте были совсем старые, где корпус пополам раскрывается, — пояснил я. — Не хвалили их.

— Я понял, их до шестьдесят второго года выпускали-на, — кивнул он. — Этот с нормальным сепаратором. Как пользоваться, знаешь?

— А что там знать? — пожал я плечами. — Меняй себе обтюратеры после двух сотен настрела, да и дело с концом.

— Я тебе руководство службы дам-на, — вздохнул Пантелеев. — Выучи.

— Есть.

Я присел на колено, открыл один ящик. Два зеленых цинка по шестьсот дозвуковых патронов УС с утяжеленной пулей, если верить надписи — в каждом по три резиновых запасных обтюратора. На крышке две полоски — черная и зеленая. Нормалек. Это очень здорово на самом деле, в иной ситуации стрелять очень не хочется, и деваться некуда, а тут, хоть и не бесшумно совсем, но примерно как духовушка в тире.

— Доволен-на, посмотрю, — усмехнулся подполковник. — Владей. У нас еще есть, сейчас не даю просто. А так буду подкидывать-на, когда вернешься.

— За это спасибо! — обрадовался я и закинул удочки на всякий случай: — А пять-сорок пять уэсов с пэбээсами нет?

— Ну ты нахал-на! — даже поразился он. — Нет, у нас нет.

Ладно, за спрос денег не берут, а то мало ли? Вдруг выгорит? Да и не видел я их в глаза до сих пор, только на старые АКМ.

¹ Патрон с пулей с уменьшенной скоростью.

² Прибор бесшумной и беспламенной стрельбы.

— Дальше-на пошли, — снова заговорил он. — Шлемы я тебе даю на весь отряд. По размерам сказать можешь, чтобы прямо сейчас отобрать?

— Могу. Давно готовился.

— Тогда вот с Борисычем разберитесь-на, — сказал он, ука- зывая на старшего прапорщика.

— Ага, — кивнул тот. — Ком цу мир, воин.

Шлемы были все теми же БЗШ¹, которые мне успели понра- виться. С размерами разобрались мгновенно, у них всяких хва- тало, а список размеров формы, снаряжения и обуви личного состава у меня всегда был при себе, как подобает. Старший пра- порщик Борисыч ловко отделил в сторонку шлемы на выдачу, а остальные убрал подальше. Правильный прапорщик, понима- ет, что если боец вообще попал в склад, то чего-то не стырить он не может. Природа не позволит. Я и так по паре шлемов и броников сверху решил прихватить, на случай новых людей.

— Броники ты тоже такие знаешь, так? — уточнил он, начи- ная один за другим откладывать по списку размеров пятнистые «Бастионы».

— Знаю, нормальный броник. А пластины есть отдельно?

— Да, — лаконично ответил Борисыч.

Действительно, дал, чем обрадовал окончательно. Теперь у меня все бойцы в защите, и это очень хорошо. Мотоциклетные куртки от мертвяков хороши, а их в тех местах, через которые пойдём, особенно много не ожидается. Зато от людей с оружи- ем помогает обычно. И неплохо, по себе знаю, до сих пор сло- манное ребро болит иногда. А не будь на мне броника, то все за- кончилось бы куда плачевней.

— Все, больше здесь ни хрена не получишь-на, — подвел итог Пантелеев. — Дуйте в роту связи, а завтра мне заявку на топливо давай, чтобы хватило на рейд. Понял?

— Так точно!

На этом и разошлись.

Валера Воропаев, Зять

3 мая, вторник, день

— Ну чего, как ты?

Валера присел на табурет возле койки, на которой лежал

¹ Бронезащитный шлем.

бледный, измученный, похудевший и осунувшийся, но вполне живой Виталю. Плотнo забинтованная культя его левой руки была выложена поверх одеяла, натянутого по грудь.

— Да нормально, Старшой,— через силу улыбнулся он.— Спасибо, что рубануть догадался.

— Ты прости, что так вышло,— вздохнул Валера.— Мой косяк, полезли не глядя.

— Да какой косяк? — вполне искренне удивился Виталю.— Знал же, куда лезу, смотрел невнимательно. Нет, Старшой, нет к тебе претензий, нормально все.

— Это тебе.

Валера выложил на койку сбоку увесистый сверток, глухо звякнувший.

— Что это? — не понял раненый.

— Рыжя хорошо взяли из этого ящика, тебе доля положена,— объяснил Зять.— Плюс за руку компенсация. Здесь вообще-то много, ты теперь мужик при бабках, только жениться осталось. Пока в сейфе у меня полежит, а как выпишут — забирай. И «Ниву» тебе пацаны из города притащили, новую практически.

Тут он чуток душой покривил, «Ниву» притаранили не именно Витале, а вообще, но тут Зять власть проявил и своей волей решил передать ее инвалиду.

— И как я баранку крутить буду? — ехидно осведомился Виталю.— Зубами и хреном?

— А тебе по должности теперь водитель положен будет,— парировал заявление Валера.— Ты у нас за геройство свое растешь карьерно, шо звездец.

— Да ну? — снова улыбнулся Виталю.— Ну раз жениться говоришь, Старшой, тогда осталось бабцу найти такую, чтобы инвалидов любила. И машину водить умела.

— Богатых инвалидов все любят,— в тон ответил Валера.— Иным не только машину водят, но одновременно... неважно, спать плохо будешь. А ты еще и при работе теперь. Я тебя хочу в зампотехи назначить, если ты не против. Дело растет, люди нужны, а к тебе доверие полное. Не против?

— А чего мне против быть? Все лучше, чем без дела слоняться.

— Доктор что говорит? Когда тебя отпустят?

— Через пару недель вроде как. Не раньше.

— Ну и нормально, дел хватит. Поправляйся, в общем.

На этом он вышел из комнаты. Возле крыльца дачного домика, приспособленного под больничку, стоял мотоцикл — красная «хонда» на зубастых колесах и высокой подвеске.

Раньше Валера никогда на мотоциклах не ездил, хоть все собирался научиться, а вот теперь сподобился, когда Самбистовы пацаны притащили откуда-то целый грузовик всякой двухколесной техники, а его боец Матроскин, как оказалось, до армии занимался мотокроссом. После десятка уроков Валера относительно уверенно, хоть не торопясь и не рискуя, катался на тархтящей одноцилиндровой «эндуре» по окрестностям Базара, чем был невероятно доволен. Матроскин, кстати заменивший теперь раненого Виталию на должности первого помощника, тоже получил аналогичный ездовой агрегат, на котором и носился, причем куда энергичней своего босса, пугая людей треском мотора и опасными маневрами, а заодно пренебрегая высказываемыми вслух мнениями о его умственных способностях.

Вообще, Валера остался здесь почти что один — все его люди отбыли осваивать новую территорию возле Иваньковского водохранилища, увезя с собой два катера на прицепах, а сам он вынужден был задержаться здесь, в компании разве что Матроскина и неразлучного с тем напарника Швили — носатого бойца родом из Челябинска, за свой «румпель» и получившего такую погремуху, которую он сам гордо называл «позывным». Приехавшие устроить засаду на некоего Сергея Крамцова люди так и продолжали квартировать в пансионате, командовавший ими капитан все так же продолжал доставать своими вопросами, но разыскиваемый Крамцов все не появлялся. Что в этом радовало, так то, что не появлялся он именно благодаря предупреждению Валеры, который таким образом просто высказал свое отношение к непрошеным гостям из тверского непонятного Центра, управлявшегося неким Бурко — партнером его бывшего тестя.

О «шалости» напоминал пистолет «Грач», который он теперь носил постоянно вместо своего такого же и который ему привезли Матроскин и Швили — таким образом тот самый Крамцов отблагодарил за предупреждение о подготовленной на него засаде. Не обманул он и в остальном — через пару дней бойцы Зятя снова метнулись в «Пламя» и вернулись с целой папкой вполне детальных чертежей. Валера передал их в открывшийся недавно на их территории автосервис, и главный

тамошний мастер, которого все звали Михалычем, уверенно сказал, что по таким бумагам только и работать. Одобрил, в общем. В результате участники «подпольной сделки» остались вполне довольны друг другом, и Валера поглядывал на гостивший «засадный полк» с некоторой долей иронии, а пристающему с расспросами капитану отвечал просто, разводя руками: «Мужик, ну ты спросил. Откуда я знаю, приедут они или нет? Может, передумали. Или накрылись где-то, если они такие лихие, что ваших стреляют за просто хрен».

«Командировка» же, как называли отряд, выехавший на новое место, дважды в день выходила на связь. Там все шло по плану: место от мертвяков зачистили, людей разместили в опустевших домах, огородились «егозой», целую машину бочек с которой повезли туда, и уже спустили катера на воду. Сейчас там полным ходом шло строительство причала и защитного периметра вокруг него. Планы были наполеоновские и требовали подготовки. Валера был намерен разжиться грузовыми судами, для захвата которых, в общем, и перебрасывались туда катера. Если бы не «засадники», пропади они пропадом, Валера бы давно туда сам уехал.

Добравшись до Базара, Валера столкнулся с Самбистом — своим другом детства, ставшим со временем большим авторитетом в одной из бандитских группировок в ближнем Подмоскowie, а теперь, собственно говоря, и рулившим всем этим Базаром и его окрестностями. По ходу его правления группировка разрослась — множество пацанов, потерявших связи и ориентиры, прибились к нему — и теперь вполне законно претендовала на первую руку в землях от Москвы и почти до самого Дмитрова. Валера был при друге кем-то вроде «министра экономики», а заодно, между делом, собрал еще и свою группировку из дезертиров, пусть и поменьше численностью.

— Валер, а этот Сергей, за которого весь кипеш, он точно к тебе собирался? — спросил Самбист.

Валера подумал, что «засадники» явно домогались того с очередными расспросами, а достать они уже успели всех, даже Самбиста.

— Ну ты сам как думаешь? — спросил он встречно. — Парень предложил продать чертежи, я согласился купить, вот и все. Он же мне ничего не должен, и я ему ничем не обязан. Так, перетерли и разошлись. Мало ли что он там себе думает?

— Ну а этим мне что говорить?

Сказав эту фразу, Самбист еле заметно кивнул на трех мужчин в обычном военном камуфляже «флора», к чему-то приценивавшихся у прилавка. На самом деле это было маскировкой — «гости» из Центра в иные времена выглядели чуть не «звездной пехотой» и лишь сейчас прикинулись «по-сиротски», чтобы не светиться перед тем самым Крамцовым, случись такому приехать на рынок.

— Вов, ты за язык меня тянешь, что ли? — возмутился Валера. — Я и так тут с ними время трачу за месть их кровную, у меня дела стоят, и ты еще хочешь, чтобы я гарантии давал?

— Время ты тратишь не за их месть, а за хабар, какого они нам машину пригнали, — резонно возразил Самбист. — Они свой постой оплатили, тут базара нет. Просто теперь вопросы задают, а отвечать нечего.

— Так мы им ответов и не гарантировали. Обещали обеспечить этим самым постоем на сколько угодно, так в этом обману нет.

— Они теперь хотят постоянный пост здесь открыть, вроде как вахтовым методом, — поморщился Самбист.

— Ага! — аж подскочил Валера. — Жадность не только фраеров губит, так? На телегу хабара повелись, а теперь узнали, что менты на шею сели и копыта свесили? Говорил же я... Знаешь, я бы на твоём месте с ними вежливо расстался. Сказал бы, мол, забирайте свое добро и катите до дому. Вас не надо.

— И какая обоснова под это?

— Да простая. Здесь масть серая, а у вас сплошь красная. У нас от вас проблемы — люди общаться отказываются. И все бы вернул, что взяли.

— Пацаны не поймут.

— А ты убеди, — вполне серьезно сказал Валера. — Ты старший, тебе и отвечать перед ними.

Самбист заметно помрачнел.

Сергей Крамцов

4 мая, среда, утро

Середина дня была уже совсем по-летнему теплой. Мы с Лехой стояли возле наших машин, притулившихся в уголке парка, и пытались готовиться к предстоящему выезду. Здесь сейчас были все, и каждый старался сделать что-то полезное.

Задача, стоявшая передо мной, отличалась полным отсутствием способов ее безболезненного решения. Как установить подствольник ГП-25 на автомат, где стандартное цевье было заменено на «рейл-систем» с многочисленными планками под всякие приблуды. Дело в том, что подаренные Пантелеевым глушители ПБС-1 могли устанавливаться только на автоматы калибра 7.62, которые у нас были все сплошь переделаны. Еще было в запасе несколько АКС-74 и АК-74, на которые подствольники устанавливались запросто, но зато их калибр не позволял использовать приборы бесшумной стрельбы. Как хочешь, так и решай, что тебе делать.

— Может деревянное цевье поставить все же? — предположил Леха. — Я же ничего не выбрасывал, все в кунге лежит, в ящике.

— Тогда придется без коллиматорных обходиться, — ответил я задумчиво.

— Коллиматорный у тебя и так на «сто пятом» есть, ты же им теперь больше пользуешься. А акаэмы будут вместо спецоружия, типа «Валы» у нас такие. Пэбээсы можно вообще не снимать. А если «рельсы» тебе нужны еще где-то, можешь на АКС какой-нибудь переставить, это без проблем.

— Блин, почему на «сто пятый» подствольник не предусмотрен? — возмутился я. — У американов на М4 ставится, а нашим трудно сделать подобное? Это же прямой аналог.

— Ты меня спрашиваешь? — удивился Леха. — Понятия не имею, по размеру не лезет. Хотя болгары вон ставят на клоны калашовские. Но другого выхода не вижу. Зато приклад у тебя новый остается, со щекой.

— Ладно, меняй цевье обратно, — согласился я с Лехой по здравом размышлении. — Будет у меня АКМ и под глушак, и под граник, «под людей» заточен. А с мертвяками воевать «сто пятый» пойдет, других вариантов нет. Большой, ты как с подствольником?

Володя, сидевший внутри «буханки» вместе с сестренками, обернулся ко мне:

— Нормально с подствольником. Не практиковался давно, но не забыл. Дай пару раз пальнуть, и все вспомнится.

— Всем бы пару раз пальнуть... — пробурчал я, придавленный жабой — вогов¹ было мало, — при этом осознавая, что дру-

¹ Выстрел гранатометный.

того выхода нет, после чего сказал: — Бери тогда один граник, будешь еще и гранатометчиком штатным, когда не за пулеметом. Типа и жнец, и швец, и на дуде игрец.

Мы тут все такие, собственно говоря. Список «военно-учетных специальностей» куда длиннее, чем список личного состава. Мастера-многостаночники, блин. И деваться некуда.

— Мне, как скажешь,— протянул Большой и вернулся к своим делам.

С рациями, кстати, не обманули: в роте связи, хоть и поскрипев зубами, выдали две вовсе не убитых «сто пятьдесят девятых». Сейчас Большой одну стационарно устанавливал в «буханке», а вторая должна была пойти в головной «уазик», с возможностью таскания ее на себе. Теперь мы со связью при любых условиях, что не может не радовать. Можем делиться на две группы, которые будут расходиться километров на двадцать, а то и больше. А если антенну растягивать, так и за сотню связаться получится.

Что еще забыли? К чему еще не подготовились? Мысли в голове крутились каруселью, я двадцать раз перепроверял списки необходимого, доставал всех окружающих, но вроде существенных проколов в подготовке не заметил, разве что в каких-то мелочах.

На площадку зарулил второй УАЗ, на этот раз с прицепом, в котором виднелись бочки с топливом. За рулем сидел Шмель, рядом с ним Татьяна.

— Ну что? — сразу кинулся я к ним.

— Все, как обещано,— ответил Мишка.— Заправились под пробку, и на две тысячи верст пути запас в канистрах и бочках. По одной дополнительной заправке размещаем в машинах, а остальное так в прицепе и поедет за «буханкой».

— Считай, что на две с половиной тысячи на каждую машину,— добавила Татьяна.— Если совсем с ума не сходить, то должно хватить и туда, и обратно, и там покататься.

— Ну... должно-то должно, но сама знаешь, что у нас за маршрут,— сказал я с сомнением.— Зайца пьяного и хромого запусти, он и то прямее пробежит. Ладно, в любом случае совесть надо иметь, я бы все равно зампотеху не объяснил, на кой ляд нам еще больше бензина.

Так, теперь еще боекомплект правильно распределить с оружием. С одной стороны, не хочется «уазики» перегружать, особенно головной — случись чего, именно ему первому воевать, с

другой стороны, не хочется все яйца в одну корзинку складывать, в данном случае в «буханку»: мало ли что случится? А с третьей стороны, «буханку» как командно-штабную машину постоянно будем держать в тылу, и места свободного в ней хватает, там вроде как в большей безопасности все. Теперь вот сиди и гадай, как лучше поступить.

Александр Бурко. Центр

4 мая, среда, середина дня

В пятницу, четыре дня назад, ТЭЦ получила первый брикетированный торф от Колена. Взамен его пока подключили к электричеству — и на торфоразработках, и в Медном, чего этот самый Колено для начала и добивался. Будет энергия — больше людей потянется к нему, больше будет доход. В перспективе Медное предполагалось переключить на питание от Удомельской АЭС, но сделать это пока не получалось, мешали технические проблемы.

Сегодня с утра порадовал Кудрявцев — заработала железно-дорожная ветка от городских заводов до ТЭЦ, в дачном поселке возле которой размещали на жительство спасенных рабочих. И первая их смена сегодня же с утра направилась на вагонный завод: им предстояло запустить в работу литейку и слесарный цех — жизненно важные для будущего развития. Кроме того, тот же Кудрявцев доложил, что они способны запустить производство на заводе метизов, что неподалеку от Васильевского Мха, и все, что для этого нужно, — все та же электроэнергия.

— И надо бригады по сбору металлолома организовать, — добавил инженер. — Добыча железа нам теперь лет сто не понадобится, его под ногами хватает.

— Понял. Будем думать, кого подрядить, — согласился Бурко.

Обедал он с Пасечником, прямо у того в кабинете. Официантка принесла набор металлических судков, расстелила скатерть на совещательном столе, и через минуту вполне приличный стол был накрыт.

— Хороший борщ, — прокомментировал Бурко, зачерпнув ложкой в глубокой миске. — Как в лучшие времена.

— Да у нас времена не такие уж и плохие, если честно, — усмехнулся бывший генерал. — Достаточно вокруг оглядеться,

чтобы понять — живем, как у Христа за пазухой. Ездите ведь по окрестностям, сами все видите.

— Это точно, — кивнул Бурко, соглашаясь и даже мысленно поставив себе маленький плюстик, потому что все, что есть сейчас вокруг них. — Центр, бойцы, фабрика, безопасность, комфорт — все результат именно его прозорливости, не чьей-нибудь.

— От наших людей на подмосковном Базаре ничего нет, — сказал Пасечник, словно услышав готовый сорваться с языка вопрос шефа. — Крамцов не появлялся, Зять этот... — Перехватив удивленный взгляд, пояснил: — Авторитет местный, который с Крамцовым на встречу договаривался, все время на глазах, но никаких контактов не было.

— А точно должны быть? — спросил Бурко.

— Да какая там точность, — махнул рукой бывший генерал. — Договорились поменять что-то на что-то, причем не слишком нужное, баловство одно, потом тот мог еще сто раз передумать. Или даже заметить что-нибудь, мы же не знаем, что его еще с этим Базаром связывает.

— В смысле?

— В смысле, что владельцы тамешные его видели случайно. Наши порасспрашивали там народ, выяснили, что Крамцова вроде и видели, но почти мельком, случайно, и ничем не запомнился, кроме того, что какому-то чеченцу машину продал.

— Что за чеченец?

— Да ничего интересного. Вроде была какая-то банда, да нарвалась на военных, этот единственный уцелел. Его с тех пор никто не видел, ну и Крамцова тоже. Тот какого-то барахла прикупил — и уехал.

— Сколько планируем там еще своих людей держать? — уточнил Бурко.

Пасечник усмехнулся:

— Если честно, то пока не решил. Место там полезное, все новости туда стекаются, товар, люди, все через этот Базар идет. Думаю, что неплохо было бы там типа посольства нашего усадить на постоянной основе, приглядывать вполглаза.

— А смысл?

— А так, впрок, мало ли, — снова усмехнулся Пасечник. — Считайте, что интуиция.

— Хм... не могу спорить, в этом не разбираюсь, — пожал плечами Главный. — А что по Горькому-16?

- Наши в готовности. Ждут. В контакте с местными.
- С теми местными, что мы на волю выпустили?
- А с какими же еще?

Сергей Крамцов

5 мая, четверг, утро

Раннее утро, еще даже не светает. На ранний завтрак в столовке договорились с вечера, а приготовить нам его взялась жена одного из тех «мастеровых мужиков», что мы вывезли с собой из дачного поселка. У всех лица сонные, вялые, но это не страшно — проснутся: дорога длинная впереди и поначалу должна быть спокойной.

Провожать пришли все — и взрослые, и дети. Правда, когда на Машу с детьми смотрю, у меня мороз по коже — пугает это меня, хотя прекрасно понимаю, что изменить ничего не могу. Да и в глубине души готов сам подтвердить ее правоту — такой опасный образ жизни становится для нас нормальным, профессией, можно сказать. Каждый ее выбрал совершенно осознанно, понимая, на что идет, и заставить изменить выбранному пути... ну меня бы заставить не смогли, это точно, так почему кто-то другой должен быть менее упрямым? Вот и пришлось смириться.

Кстати, избытие женщин в отряде, напрягавшее меня поначалу, стало почти привычным. Причина проста — изменились основы самой жизни. Выживать нужно всем, и иметь востребованную в новых реалиях профессию тоже хотят все. Боец — это теперь профессия. Самая обычная, в ряду многих, потому что потребность в бойцах у общества в процентном выражении стала куда больше, чем раньше. Ни проехать теперь без опаски, ни добыть что-то, ни привезти — опасен каждый шаг за стенами людских анклавов. Вот мы и следуем... за требованиями рынка. Странно даже становится, как думаю об этом.

Даже Машу взять, например,— красивая женщина, мать двоих детей, мне бы к ней и относиться соответственно, а не получается. Раз в отряде — все, «активный штык», боевая единица, что угодно, военно-учетная специальность «снайпер», а по-другому думать о ней не получается. Это хорошо или плохо? Пожалуй, что хорошо. Мне командовать надо, а не размышлять о сущностях. А начнешь много размышлять, не сможешь при-

казать что-то, и тогда кончился ты как командир. Если бы я о Маше как о женщине думал, смог бы я отдать приказ завалить того эсбэшника «фармкоровского» в поселке Васильевский Мох? Очень сомневаюсь.

Елена, заведующая столовой, сама прикатила нам тележку с завтраком — яичница на огромных сковородках, с сосисками, помидорами и поджаренным беконом, гренки и чай. Сноровисто расставила все по столу, затем сказала:

— Тут слухи ходят, что вы куда-то далеко собрались. В общем, удачи вам, ребята, возвращайтесь скорее.

Мы хором поблагодарили, после чего принялись за еду. Хорошо, что заранее предупредил, чтобы по количеству очень не размахивались, — ели все вяло, хоть и торопливо. Так, лишь бы хоть что-то в себя запихать.

Потом обнимались, целовались — все как положено. Дети Маши и Большого были сонными, но никто из них не плакал и не пугался — вроде как уже привыкли к новому ритму жизни. Дети вообще ко всему быстрее привыкают, в отличие от взрослых. Потом осталось только скомандовать: «Выходи строиться».

Уже привычно построились перед машинами, и я потребовал провести последнюю проверку. Ну и сам полез в УАЗ. Пулемет, снизу коробки с лентами, РПК¹ у переднего сиденья, стоймя, под панелью — «банки» к нему. За спинками сидений канистры с бензином, боекомплект в железных ящиках, вязанка «Мух», накрытая полиэтиленом. Все на месте, все в порядке. Рация пристроена безопасно, притянута медицинскими резиновыми жгутами. Тоже — в порядке.

— По машинам!

Привычный маршрут до КПП. Мы во главе колонны, за нами следом сурового вида «буханка», вся в решетках, с длинными антеннами на крыше и с немецким военным прицепом сзади. За ней второй УАЗ, пулемет сейчас стволом в небо задран, видны лица в шлемах, масках и очках, даже не поймешь, кто там где. Ничего так выгладим, решительно, остается надеяться, что это и вправду врагов вероятных напугает. Три раза «ха».

¹ Ручной пулемет Калашникова.

Проверка на КПП, регистрация, гул открываемых металлических ворот, и серая лента дороги ложится под колеса. Есть, тронулись! К нашей главной цели, которая от нас далеко и путь до которой ожидается не слишком легким. Ладно, делай, что должно, и будь что будет,— что тут еще скажешь.

Я подхватил РПК, откинул сошки, пристроил его на отброшенное вперед лобовое стекло, накрытое толстой фанерой. Так спокойней и надежней, из этой машинки можно быстро и довольно точно сразу много пуль накидать в нужное место, а над головой у меня еще и ствол ПКМ виднеется, за которым пристроился Большой. Он у нас теперь стрелок-радист, поэтому сидит в головной машине, рядом с рацией, а второй пулеметчик, Сергеич, едет в замыкающей.

— Шмель, старайся быстрее семидесяти даже по трассе не разгоняться,— сказал я нашему водиле.— И горючка экономится, и ветер мешает меньше.

— Да понял я, говорили же об этом,— ответил он.

— Ну лишний раз не помешает, ты у нас не Цезарь, чтобы столько дел сразу делать.

— Это каких дел? — спросил он с подозрением.

— Одновременно слушать и запоминать,— гыгыкнул я.

— Сам дурак.

«Уазик» выбрался на шоссе, притормозил на секунду, мы огляделись. Затем я сказал в короткую рацию:

— Чисто, продолжаем движение.

Опять я с Татьяной расстался, она в замыкающей машине баранку крутит. Норовила ко мне в головную перескочить, но нельзя — «головняк» должен вести самый опытный, то есть Шмель. Поэтому у нас тут мужской коллектив получился. А в замыкающей с ней и Вика, и Маша, ну и Сергеич — единственный мужик.

Наш «головняк» уже привычно шел впереди, на пределе видимости, регулярно заменяя эту самую видимость «слышимостью» по радио. Но вокруг было пусто, даже скорее больше подходило здесь слово «пустынно». Вроде рядом высотки Солнечногорска, там и тут виднеются брошенные машины, а вот следов самой жизни, ее ауры, духа, того, что сопровождает живых людей, уже нет. Даже приглядываться к пейзажу не надо, чтобы понять, что город полностью покинут. Непонятно почему, но это видно сразу.

— Мерзко там, да? — спросил Леха, сидящий у меня за спиной.

— Точно, мерзко, — согласился я. — Посмотришь — и жить не хочется.

— Как думаешь, когда-нибудь города будут зачищать? — спросил Шмель.

— Это вряд ли, — подал голос сверху Большой. — Патроны, что ли, лишние у кого-то есть? Да и без потерь не обойдешься. И смысл какой? Людей мало, города они покинули, кормить только деревня может. Что там делать?

— Именно, — поддержал его Леха. — Особенно если учесть, что там вся инфраструктура и коммуналка гавкнулись уже. Это теперь просто скопление препятствий, ну и место добычи ништяков, не больше.

— Зимой могут пойти, — возразил Мишка. — Зомбяки от холода вянут и чахнут, их можно кувалдами перемолотить по подвалам.

— Ну с этим можно поспорить, — не удержался уже я. — Подвалы, к слову, ниже нуля редко промерзают. А значит, сами мертвяки не промерзнут, максимум вялыми станут. И никакой гарантии, что у них какого-нибудь «аварийного заряда» энергии нет, как раз кинуться разок на того, кто с кувалдой подходит. Нет, не полезет туда никто специально их истреблять.

— Ну, может, и так, — согласился Шмель. — А вот если бы мы все же к зиме машинами на дутиках разжились, то другие мародеры нам бы не конкуренты были.

— Да слышал я уже, — ответил я.

— Слышал-то слышал, а хрена ли толку с того? Хорошо, что, когда от омовцев из гостей ехали, уговорил тебя ту «шаху» с «семерой» прихватить, сейчас хоть батя займется.

— Ну так прихватили все же, а чего тогда гундишь? — чуть возмутился я.

— Ну так... раньше надо было, — буркнул Мишка.

В этом весь Шмель. Я давно заметил, что в начале любого важного дела ему обязательно надо или побурчать, или на жизнь пожаловаться. Похоже, что это у него ритуал такой, типа как от сглаза спасается. Ну его дело, мне не в лом с ним лишнюю минуту полаяться.

Солнечногорск остался сзади, а я заглянул в карту. Нам теперь поворот не пропустить, потому что маршрут мы проложили по таким проселкам, которые заметить — это отдельное

искусство. Там даже асфальт предполагается не по всему маршруту, хватает и грунтовок, как-то сельская местность у нас больше доверия вызывает, чем главные трассы.

Затем почти в полном молчании ехали с полчаса, настороженно оглядываясь. Не доезжая Клина, свернули направо, на узенькое, больше напоминавшее проселок, потрепанное шоссе, что вело в сторону поселков Зубово и Красный Ткач. Такая же глушь, такая же мертвая тишина, звук моторов слышен далеко-далеко. В поле увидели бесхозное стадо коров. По виду коровы никаким «зомбизмом» не страдали, но если верить шашлычникам и ученым, то и страдать были не должны. «Шестерка» их не брала.

Интересно, это кто-то просто бросил стадо или выпускает пастись самостоятельно? Или из кустов следит? Тут, в стороне от шоссе, жизнь сразу другая стала, зомби могли сюда и не дойти. Хотя и помимо зомби всякой твари хватает, вроде тех же бандитов. Вон они как оживились.

Примерно через час неспешной езды по узкому шоссе, заросшему со всех сторон лесопосадками и окруженному полями, сначала услышали, а затем увидели Ми-8 в камуфляжной окраске, который прошел низко над дорогой и вскоре исчез за горизонтом, распугав птичьи стаи над полями. На нас внимания не обратил, да и летел он явно не с досмотром — блистеры закрыты, видны лишь два пилота за стеклом. Классно им, гладко, не трясет и видно далеко.

А вот птиц, кстати, было на удивление много. Не ворон, которые на трупах сидят, тех тоже хватает, хоть и не здесь, а именно птиц. Над полями, над поселками. Как будто раньше человек им жить мешал, а теперь они празднуют его частичное исчезновение с лика земли. Ну а что вы хотите? Теперь и у нас появился естественный враг, который нами питается. Пищевая пирамида слегка приросла сверху мертвяком. Всем остальным — радость одна.

После Зарубина свернули на проселок, ведущий через деревни Мишнево и Чумичево по захолустным местам. В этих деревеньках мы явно заметили признаки жизни, но люди из домов на улицу не показывались, и мы в свою очередь стремились проскочить как можно быстрее. Поводов к знакомству с местными у нас нет, да и они явно навстречу не рвались.

Когда до бетонки, к которой мы приближались, осталось совсем недалеко, я решил остановиться на дозаправку. Мало

ли что будет на основной местной дороге, лучше будет выкатить туда с полным баком. Начали приглядывать укывише в сторонке от дороги. Один съезд выглядел привлекательно — колея едва видна, уходит в густой осинник. Шнырь туда — и ты не виден ниоткуда, спрятался.

Колонну я придержал по радио, мы же сами съехали. А там полянка симпатичная открылась, колея через нее проходит и чешет хрен знает куда — в пределах прямой видимости ничего нет. Наверное, просто в поле, по ней в лучшие времена колхозные грузовики с тракторами катались. Развернулись, выкатили на дорогу. Дозаправка — дело ответственное, как бы кто не прихватил в такой момент. И в любом случае ее отрабатывать надо, еще не раз придется повторять.

Дал команду колонне, и она подтянулась следом. Начали заправку, а сам я с Лехой пошел поразведать в сторону от дороги, куда там эта самая колея тянется? Да и фишка никогда не помешает.

Подумав, задвинул «сто пятый» за спину и прихватил с собой свой старый добрый СКС,¹ поскольку в таких условиях от него пользы больше, чем даже от пулемета, да и оптический прицел пригодится, когда лень за биноклем лезть.

За осинником поле оказалось, а за ним что-то вроде элеватора. Я элеватор этот, или что там за хрень, и в прицел, и в бинокль понаблюдал — тихо все. Оставил Леху, потому как с этой точки он любого за полкилометра положит, кто с той стороны пойдет, а сам вдоль опушки двинул, стараясь на открытое место не выходить и из тени не высовываться. Голоса от места нашей стоянки доносятся, ну и ладно, не слишком-то громкие. Если кто на них пойдет, то сперва на меня, тихого, напорется. Я тоже нашел местечко за раздвоенным деревом, засел, пристроив карабин.

Через двадцать минут наблюдения между тем самым элеватором и собой, метрах в семистах, увидел стаю собак. Для четырехкратника далековато детали разглядывать, так я бинокль достал.

Снова пригляделся. А ведь мертвые собачки-то, гадам буду! Идут, ковыляя, и если встанут, то хвостом не махнут. Затем вообще встали. Я на таких уже насмотрелся, хватило, с живыми их не спутаешь. Одна хромает, у нее одна нога, почитай, вообще

¹ Самозарядный карабин Симонова.

отгрызена. Интересно, а они на каком расстоянии слышат и как у них теперь обоняние? Как у живых? Ветер от них вроде, не должны унюхать, даже если бы живыми были.

— Леха, как принимаешь? — спросил я в микрофон.

— Чисто, — послышалось в маленьком наушнике в ухе.

— Собак наблюдаешь?

— Наблюдаю. Дохлые, — подтвердил мои подозрения Леха.

— Именно. Если направятся в эту сторону, то будь готов.

— Я всегда готов. Как целая пионерская дружина.

По расчетам, заправка около получаса должна занять, ручной насос штука не быстрая, значит, еще минут пятнадцать осталось. Долго еще. А они так и стоят на одном месте, как будто никуда и не собираются. Интересно, они в такой же «экономичный режим», как другие виды мертвой живности (как сказал-то, а? Еще бы «живой мертвостью» назвал), впадают? В спячку эту самую? Может, сейчас и впали? Хоть шевельнулись бы. Нет, вряд ли, тогда упасть должны. Лабораторные крысы падали. Кстати, если там элеватор, то должно быть крыс до хрена и больше. Крысы друг друга мочат под разными предложениями, а если досюда «шестерку» донесло, то там уже и мертвые крысы быть должны. Собаки эти самые не от них ли пошли? Перекусили крысами, или крысы их покусали... Очень, очень возможно. А на самом элеваторе сейчас настоящий кошмар может быть.

«Да хватит стоять там, валили бы отсюда, что ли», — с тоской подумалось мне. Ну раздражают они меня. Расстояние такое, что стрелять даже из «мосинки» бесполезно, а уж из СКС тем более, в башку попасть вероятность около нуля. Потом подумалось другое — привыкать надо. Спокойней к ним относиться, такая вот теперь кругом природа. Они далеко, не нападают, разве хреново? А как напали бы? Сейчас бы палил из карабина по бегущим ко мне десяти собакам и судорожно считал патроны в магазине, прикидывая, успею ли схватиться за автомат и поможет ли он мне? А так сижу себе и сижу, в бинокль наблюдаю.

Эх, едрить твою в дышло, надо было с «монкой»¹ сюда двигать. Перед собой бы поставил, если бы собаки рыпнулись, то пострелял бы сколько смог, а на подлете к цели — «монкой». Может, и всех бы пострелял, все же с двухсот метров валить бы я уже начал их конкретно, но на крайняк и «монка» бы сработала

¹ МОН-50 — противопехотная мина.

ла. У нее сколько зона гарантированного поражения? Пятьдесят? Ну это по проекту, а если рассчитать насыщенность сектора поражения летящими роликами, то тридцать примерно. Это если по человеку. И необязательно в голову. С собаками сложнее, но если еще ближе, то их вовсе на куски покрошит. И головы у них в сектор лучше попадают, они их, в отличие от человека, вперед вытягивают. «Пээмка»¹ одетонатор — свернуть и вывернуть, провод размотать и смотать. Две минуты дела.

Все заново придумывать приходится. Никогда и никто не учил никого, что противника надо поражать только в мозг, и никак иначе. И это очень, очень напрягает. Но такая схема обороны сработает, должна сработать. Ломанутся прямо на меня, не маневрируя, на это ума не хватает. Бегут они хуже, чем нормальные собаки, медленней. Если набегут на мину направленного действия МОН-50, управляемую мной по проводам, — конец истории, если уцелеет кто после карабина и взрыва — из пистолета достреляю, все равно их всех изорвет. Другое дело, что «монок» мало, каждая на вес золота, и таких геморов лучше избегать. Но я для себя — больше, чем на вес золота, так что дойдет до края — изведу без проблем.

А собаки все стоят и стоят, не шевелятся. Затем в наушнике послышался голос Сергеича, сообщивший, что дозаправку закончили. Ну вот и ладненько. Я Лехе скомандовал сниматься с фишки, и сам пошел помаленьку, оглядываясь на собак вдалеке. Они и ухом не повели. Тихо прошел через осинник, закинул себя на правое сиденье «уазика» и скомандовал: «Вперед!» Вот так, сам командир и сам себе дозор. А что делать? Я уж лучше сам буду высматривать, где и что впереди, чтобы потом других не виноватить.

Выбрались на неширокую, но крепкую бетонку, тоже пустую, как тарелка в буфете. Ни души. Ни живой, ни мертвой. Пустота. Ну и ладно, нам так даже лучше.

Дальше нас дорога вывела к городу Дмитрову. Почти к городу, в него непосредственно мы соваться не хотели, дел там у нас никаких. Поэтому, примерно с километр не доехав до города, свернули налево, на Спиридово, а оттуда пошли на поселок 1 Мая, пропустив по левую руку деревню с подозрительным названием Кончинино. А до этого уже было Трахонеево. Привлекала нас на этой хреновой дороге возможность переехать реку

¹ ПМ-4 — подрывная машинка.

по мосту, а заодно и возможность перебраться через железную дорогу возле платформы «75 километр».

Но как я уже говорил, мост — штука такая, удобная для засадного дела. И контролировать его проще всего — куда проедем от моста деваться? И если еще вспомнить, что неподалеку отсюда была самая большая в России «малолетка»¹, где все детки оттуда сейчас? Поэтому сразу за Спиридовом которое показалось опустевшим, вся колонна свернула с дороги в посадку возле поля, и мы с Лехой в пешем порядке отправились на разведку. На охране и обороне оказались все остальные. Причем Маша заняла толковую позицию в кустах, с которой можно было очень быстро отстрелять всех, кто проявит излишнее любопытство к спрятавшейся колонне.

Я еще раз глянул на карту. Помимо поселка 1 Мая на ней был изображен загадочный поселок Опытного Хозяйства Центральной Торфоболотной станции. Во как. Дорога загибалась влево и шла между этими поселками и берегом канала как раз к мосту. Если, например, занять эти поселки силами, нам враждебными, а нам дать втянуться всей колонной между домами и берегом, то мы окажемся в идеальном мешке. Без вариантов оттуда вырваться.

Мы шли больше по неглубокому кювету вдоль дороги, старясь особенно не маячить. Местность была хороша для засады, но крайне плоха для разведки. Сплошное открытое пространство и поля, непонятно чем засеваемые. У канала с двух сторон густой кустарник, специально насаженный, наверное, для укрепления берега. В нем как раз мы сможем укрыться и насколько-то продвинуться вперед.

Добрались, пригибаясь, до кустарника. Из него долго, минут двадцать, наверное, наблюдали в бинокли противоположный берег, но никакой подозрительной активности не заметили. Затем я пошел дальше, хоронясь в кустах, а Леха метрах в пятнадцати за мной двинул. Забавно будет, если здесь люди как люди и сейчас наблюдают из окон за двумя дураками, перемещающимися короткими перебежками.

Прошли вдоль берега, оглядываясь во все стороны, до места, откуда можно было рассматривать дома поселка. Какой это из них, 1 Мая или этот самый «торфяной», — я так и не понял.

Я подозвал Леху и поставил задачу:

¹ Колония для малолетних преступников.

— Леха, давай дальше и паси мост, все равно ни черта не пойдем. Потом там тебя подсадим. А я попытаюсь деревню проверить поближе.

— Понял, давай.

Леха кустами пошел дальше. От взгляда из окон домов его скрывали не только заросли, но и уклон к реке. А меня сейчас ничего скрывать не будет. Поэтому о перебежках можно забыть, только лишнее внимание привлеку, а надо стараться идти так, чтобы из окон в меня можно было стрелять лишь под самым неудобным углом.

Вышел из кустов, автомат на изготовку, и пошел, чуть не по-свистывая, как немец в деревню. Дошел до первого дома, никто в меня не стрелял. В окна заглядывать или в дверь стучать? Или просто сесть с карабином за забором и следить, чтобы окна на эту сторону ни в одном доме не открывались? Пока они все закрыты, из тех, что мне видны. Если засаду местные устроить решат, то окна откроют. Через собственное стекло нормальный колхозник стрелять не станет. А если пришлые?

А были бы пришлые, то был бы какой-нибудь беспорядок виден, им бы местных жителей гнать пришлось. Ладно, будем глядеть в окна, двери и куда ни попадя.

Обошел первый дом, выстроенный из серого силикатного кирпича, поднялся на крылечко. Постучал в дверь, прислушался. Вскоре раздались шаги, после короткой паузы дверь распахнулась. Передо мной стоял мужик лет за сорок, в сорочке с расстегнутым воротом, серых брюках и тапочках-шлепанцах.

— Здравствуйте, немцы в деревне есть? — спросил я.

Тот посмотрел в то, что у меня вместо лица — в очки на черной маске под шлемом, — ответил:

— До вас не было.

— А что вообще здесь происходит?

— Ничего вообще не происходит, — пожал плечами тот. — Часть людей уехала, часть осталась.

— А что в Дмитрове делается?

— Стрельба вчера была в Дмитрове, — чуть подумав, ответил он. — Кто-то воевать взялся. Машины мимо нас проезжали. Мертвяков в Дмитрове хватает, но сюда они не доходят.

— Почему?

— Мост, который в городе, перекрыт, а на этой стороне от города только окраина, — показал он рукой куда-то в сторону. — А на ней вроде как и местная милиция, и кто-то еще засел.

— Спасибо,— кивнул я.— Проводите нашу колонну через деревню?

— В смысле? — не понял мужик.

— Прогуляйтесь со мной, пока колонна через поселок не проедет. Не стучаться же мне во все дома по очереди?

— Понял,— усмехнулся мужик.— Заложник нужен?

— Проводник. Чтобы с дороги мы не сбились.

Мужик протянул руку за дверь и вытащил оттуда, аккуратно удерживая за ствол, помповик и патронташ на поясе. Неплохо.

— Не возражаете? — спросил он, кивнув на ружье в руке.— Мало ли кто встретится?

— Нет, разумеется,— ответил я и протянул руку к ружью.— Разрешите на минутку?

Он вздохнул, протянул дробовик мне. Я утопил пальцем крошечную клавишу снизу ствольной коробки и, быстро задвигав взад-вперед цевьем, выбросил из ружья пять патронов двенадцатого калибра. Они поочередно со стуком падали на пол, мужик провожал каждый из них взглядом. Я вернул ему ружье, затем сказал:

— Отойдите назад, пожалуйста.

Он отступил на пару шагов, я присел, собрал выпавшие патроны и протянул ему:

— Возьмите, пожалуйста. Так проводите?

— А что мне остается? — сказал он, ссыпав увесистые цилиндрики в карман.— Пойдемте, а то и вправду заблудитесь.

Я спросил в микрофон:

— Леха, что по мосту?

— Ничего. Пустота,— послышался ответ.

Мужик вышел из дома, обернулся ко мне, спросил:

— Засады опасаетесь? Можете не опасаться. Сейчас в городе что-то делают, не до нас им. А вот когда доделают, тогда уже ничего не могу гарантировать. Сам думаю отсюда убраться подальше.

— А вообще люди в поселке есть?

— Есть. Примерно половина осталась.

Вдруг, совершенно неожиданно, как иллюстрация к разговору, со стороны города донеслась вспышка спорадической, но очень интенсивной стрельбы, как будто целые пучки деревянных реек ломают в отдалении.

— Вот! Слышали? — словно даже обрадовался мужик.— А вчера так целый день было.

Стрельба начала усиливаться, послышались гранатные раз-

рывы. До города отсюда совсем близко, крайние дома видны хорошо, так что и слышимость что надо.

— Колонне продолжать движение, — скомандовал я. — В деревне меня подсадите.

Затем слегка подтолкнул своего спутника, приглашая продолжить прогулку, а сам сместился правее его, чтобы он оказывался между мной и окнами домов. Предосторожность излишней никогда не бывает.

Мимо города Дмитрова нам удалось проехать без происшествий, хотя видели и людей, и мертвяков. За людей выступала группа разношерстно одетых и разнообразно вооруженных мужчин, стоящих на дороге возле грузовика ЗИЛ. В грузовике сидели женщины, дети, лежали сумки, так что мы заключили, что эти люди нам не угрожают. И оказались правы.

Мертвяки тоже попадались, и, к удивлению моему, даже не слишком редко. И брели они почему-то из города. В первый раз такое видели, обычно все наоборот происходит. Что их погнало?

Единственная дорога пролежала через окраину Дмитрова. Но мы туда соваться не стали, памятуя рассказ деревенского старожила и прислушиваясь к продолжающейся стрельбе. Действительно, схватился там кто-то с кем-то не на шутку, видать, дошла очередь до передела первоначально захваченного. Поэтому мы свернули по проселку к деревне, обозначенной на моей карте как Подчерково, а там нашли стихийно образовавшуюся грунтовку-колею, по которой, немилосердно пыля, добрались до бетонки.

Через несколько километров у неприметного поселка с табличкой «Пос. совхоза «Буденновец» увидели АЗС старого образца, с тремя очень старыми колонками. Решили задержаться, потому что дорога отсюда просматривалась далеко и подбраться к нам незаметно было невозможно. А проверить, есть что-нибудь в цистернах или нет, хотелось. Нам никакой литр бензина лишним не будет, даже самого грязного, со дна. Отфильтруем, фиг ли нам, главное, что не лень.

Электричества не было, естественно. Его давно уже не было. Шмель оторвал лицевую панель от колонки с надписью «А-76», за которой обнаружился набор каких-то шестеренок. Затем он зашел в оставленную открытой будку «королевы бензоколонки» и вышел обратно, неся в руке нечто напоминающее ручку «кривого стартера». Эта ручка была ловко приспособлена к од-

ной из шестерен, Шмель покрутил ее, и мы обнаружили, что на этой АЗС топливо не закончилось. На дне осталось, мутное и грязное, но все же что-то из «пистолета» текло.

Я тоже решил посмотреть на АЗС изнутри. Зашел, огляделся — ничего интересного. Разбросанные по полу бланки накладных, опрокинутый стул на полу, второй стоит у стены. Распахнутый металлический шкаф. Пульт с тремя древнего вида циферблатами и открытый кассовый аппарат. В кассе ни копейки, кто-то не удержался, выгреб. Зачем? Что теперь с этими деньгами делать?

А вот на стене пятно запекшейся крови, как будто кто испачканной рукой провел, даже следы пальцев видны. Что тут произошло? Я вышел обратно, зашел за заправку, огляделся. Трупный запах, и довольно сильный. Как я раньше внимания не обратил? Привык к нему, не кажется больше чем-то исключительным? А ведь вполне может быть.

Насторожился, взял «сто пятый» на изготовку, но никакой мертвяк ниоткуда на меня не кинулся. В канаве, что пролегла метрах в пяти от задней стенки домика, обнаружился чей-то совершенно объеденный труп. Остались одни кости, с которых свисали обрывки одежды и мяса. Кто грыз?

Присел на корточки, присмотрелся внимательней. Череп был разбит, судя по всему — чем-то тяжелым и острым, вроде топора. Труп сбросили в канаву, остались даже в прошлогоднем бурьяне следы, как он катился. Чей труп, мужской или женский, сейчас и не поймешь. А вот кто его ел? Никаких других следов не видно. Если бы жрал кто-то крупный, то остатки сухого прошлогоднего репейника вокруг мертвого тела были бы изломаны. А такого не произошло. Странно.

Я огляделся по сторонам. Канавка с одной стороны шла вдаль, а с другой исчезала в бетонной трубе сантиметров пятьдесят в диаметре, ливневке местной. Оттуда кто-то приходил, что ли?

Поднявшись с корточек, я медленно пошел в сторону трубы, вглядываясь в землю. Капал дождь недавно, все следы смыл, но дно канавы в начале трубы было засыпано пылью, а туда дождь не попадал. И как раз там отпечатались множество мелких следов. Крысы! Вот кто обожрал труп. А вот живые крысы или мертвые — это неизвестно. Следы у них одинаковые. И вообще, я только думаю, что это крысы, вспомнив, как выглядели лапы

наших подопытных. А может, это вообще зверь, науке неизвестный. Шучу.

Стало как-то зябко сидеть возле этого входа в темную трубу, я быстро поднялся и отошел к машинам.

Мы по очереди крутили ручки возле колонок, заполнив под пробку пустую бочку, нормальный бензин из которой долили в баки. Будет время — почистим этот, главное, что его у нас прибавилось. Считай, расход снова с нуля начинаем.

Однако занял весь процесс около часа. И когда мы отъехали от колонки и я взглянул на часы, то задумался, сколько же мы сегодня еще проехать успеем? Впереди нас ожидал большой мост возле поселка Жестылево, который мне тоже не нравился ввиду своей «засадопригодности». Поэтому мы решили сделать изрядный крюк, в сторону Буславля, а оттуда двигаться проселками в сторону Сергиева Посада. Проселков на моей карте в этом месте не было, зато были деревни, а деревни всегда между собой или с близлежащим шоссе соединяются. Так что я не сомневался в том, что мы дорогу найдем.

Поначалу дорога у нас под колесами была асфальтовая, но разбитая до невозможности, трясло на ней беспощадно. Поэтому, когда мы нашли съезд на проселок и свернули на мягкую грунтовку, ощущение было такое, что как будто в рай въехали. Наступила почти что тишина, нарушаемая фырчанием мотора.

Напряжение, которое царило с утра, понемногу ослабло. По крайней мере, мы стали просто разговаривать, а не только по делу фразами перекидываться. Я понемногу начал прикидывать, где мы остановимся на ночлег. Хотелось бы это сделать где-нибудь подальше от основных трасс. Например, проселок, по которому мы ехали, мне очень нравился, потому как было похоже, что последняя машина по нему проехала сколько-то дней назад, а никак не сегодня.

В конце концов этот путь вывел нас к узенькому и неровному шоссе. Выбрались на него, но вскоре заметили еще один съезд в нужном нам направлении. Я снова посмотрел в карту — да, есть деревни, значит, есть и дорога или, по крайней мере, обозначенное направление. А уж наши машины проедут по любому направлению, в этом не сомневайтесь.

Съезд на противоположную сторону шоссе нашелся через пару минут, достаточно накатанный, чтобы считаться дорогой, но недостаточно для того, чтобы полагать дорогу оживленной. Именно то, что нам и надо.

Затем была одна непредвиденная остановка по уважаемой причине. Как говорится, «мальчики — налево, девочки — направо». Этому ответственному делу предшествовал не менее ответственный инструктаж, хоть и краткий — раньше мы это уже проходили. В быстрой речи я перво-наперво наложил запрет на любые перемещения поодиночке. Даже поход в туалет должен осуществляться попарно, с выставлением боевого охранения. Например, если я сижу в кустах с напряженным лицом и думаю о вечном, то с крайне уязвимого для любого врага в этот момент тыла меня должен охранять Леха, засевавший поодаль в секрет. После того как я свои дела полагаю завершенными, я могу оказать Лехе аналогичную услугу, выставив боевое охранение его задницы. Любой другой способ «отправлять естественные надобности», как это называется в Уставе гарнизонной и караульной службы, находится под запретом до прибытия в место, объявленное мной безопасным. Поэтому система «Гадим на природе» стала сугубо парной, как в дайвинге — Buddy System.

В общем, сбежали, загрузились в машины, поехали дальше. Днем остановились на еще один быстрый привал, но обеденные пикники я запретил, светлое время суток надо использовать по максимуму. И к тому времени, когда я решил, что надо начинать подбирать место для привала ночного, мы как раз добрались до границы Московской и Владимирской области, обогнув по внешнему кольцу все более или менее крупные города, такие, как Сергиев Посад. Была идея сунуться за гостеприимством южнее, к Ногинску и окрестностям, где до сих пор было множество людских анклавов под защитой многочисленных в этих местах военных, но я такую идею сразу отменил. Если дадут ночлег, то начнут расспрашивать, а болтать не хотелось, и вообще...

Объект, который словно специально напрашивался на место ночлега, увидели примерно через час. Прямо посреди поля за полуразрушенным бетонным забором виднелись два вытянутых здания с воротами в торце. Ферма, причем явно заброшенная давным-давно, от запаха навоза и всего такого прочего и следов не должно остаться. А ворота большие, можно въехать на машине прямо внутрь, и со стороны не видно будет нашего лагеря.

— Давай туда, — скомандовал я Шмелью, на что он лишь кивнул и вывернул руль.

Колея до поваленных ворот вела уже едва заметная, почти заросшая, машина на ней раскачивалась, как лодка в зыбь, стебли прошлогодней травы хлестали по бамперу. Не доезжая метров пятидесяти, встали.

— Шмель, не глуши. Леха, проверим. Большой, прикрываешь с пулеметом, — быстро раздал я указания, выпрыгивая на дорогу.

Две другие машины остановились поодаль, у съезда с дороги. Правильно действуют.

— Давай прогуляемся, — пробормотал я, включая фонарь на «сто пятом».

Гулять долго не пришлось — запах мертвечины почувствовали почти от ворот и сразу замерли как вкопанные.

— Чуешь? — спросил Леха, потянув носом воздух и настороженно оглядываясь.

— Ага, — ответил я, направляя острый луч фонаря в темноту за распахнутыми воротами. — По-любому нам делать здесь нечего, если даже мертвяков нет, то дохлятиной воняет. Не нюхать же до утра.

— Я тоже так думаю, — с готовностью поддержал он меня. — Давай лучше еще что-то поищем.

— Соображаешь, — кивнул я, давая задний ход.

В луче фонаря мелькнуло что-то движущееся, закрытое подгнившими досками полуразваленного загона, и я крикнул Большому:

— Движение видишь за досками? Дай туда пару раз.

— Движения не вижу, но дать — дам, — ответил он.

ПКМ прогрохотал очередью патронов на десять, выбив тучи пыли и щепок из ветхого дерева и явно кого-то спугнув. Что-то быстро метнулось от нас в дальний край здания, и Большой это движение засек, выпустив вслед еще одну очередь. А мы между тем уже грузились в машину.

— Шмель, давай на фиг ходу отсюда. Нечего здесь ловить.

«Уазик» решительно рванул с места, развернулся прямо по траве, давя сухие стебли, и поехал обратно к дороге, к ожидавшей нас колонне. В битву мы не рвемся, у нас другие дела.

Сергей Крамцов

6 мая, пятница, утро

Вчера с вечера костерок разожгли, поставили на таганок котелок с водой для чая. Пусть хоть что-то горячее за день в брюхо упадет, а то в пути все больше бутербродами обходились. После неудачной попытки пристроиться на ночлег на заброшенной ферме ехали еще не меньше часа, пожалуй. Когда почти стемнело, нашли пустующие пакгаузы возле какой-то железной дороги, выглядящей давно и совершенно заброшенной. Там было абсолютно, идеально пусто, как в кармане у нищего, но при этом строения были вполне капитальными и даже шифер на крышах оставался почти целым, хоть и не везде. Под одной такой дырой в потолке костерок и разожгли.

Машины удалось упрятать между близко стоящих складов, разве что фишку организовать на крыше не получилось, слишком велик был риск ее продавить и полететь вниз, но потом решили ограничиться наблюдением в окошки. Вокруг одни поля, не должны на нас ночью большими силами люди нападать, а вот всяких мертвяков с морфами как раз лучше встречать за стеной. Надежней. И разбудить всех будет просто, благо легли здесь же, вповалку, расстелив матрасики прямо на бетонном щербатом полу и завернувшись в спальники.

В первую смену караулить поставили сестриц. Они, можно сказать, в тишине и относительном комфорте всю дорогу ехали, в салоне «буханки», вытянув ноги и развалившись в креслах, разве что на Пашку жаловались — курит много, всю машину продымил. Ну пусть курит, недолго осталось. У него запас сигарет к концу подходит, и где их брать, он не знает, а мне на эту тему и размышлять неохота. Курить — здоровью вредить, бросать пора.

Уснули все быстро, я даже удивился — ожидал, что все еще трепаться перед сном будут, раз под одной крышей собрались, как обычно и бывает, но нет — кто-то что-то сказал, кто-то ответил — и наступила тишина. Относительная, конечно: кое-кто похрапывал.

Мне по графику выдалась «собачья вахта», против чего я, собственно говоря, не возражал. Рано лег, поэтому и проснулся легко. Откинул спальник, обулся быстро. Вообще-то свежо с утра пораньше. Даже холодно. Кивнул разбудившей меня Татьяне с благодарностью и быстро перебрался на ее пост.

За ночь здесь постарались, устроили что-то вроде высокой лавки напротив окна. И не уснешь, потому что свалишься, но и на ногах больше топтаться не надо. Ну и молодцы. Было темно, лишь у самого горизонта появился какой-то намек на рассвет. Скоро начнется, пять утра, пора, май на дворе.

Где-то вдалеке ухала сова, а больше никаких звуков над всем мирозданием. Тишина. Привыкать к ней стали уже, кстати. Поначалу так странно и непривычно было, особенно в городе, а теперь вроде как и нормально. Замерла жизнь, та, которая осталась.

В общем, смену отсидел спокойно. Никого не видел, никого не слышал, никто нас не беспокоил. Никому не понадобилась кучка старых кирпичных пакгаузов у черта на рогах, у линии ржавых и просевших рельсов, которые, наверное, и не ведут никуда.

Побудка тоже прошла относительно легко, растолкали всех быстро. Спокойно расселись, зябко поеживаясь в утренней прохладе, снова вскипятили воду под чай, позавтракали. Можно, конечно, с ходу по машинам и ломиться дальше, но едем все равно очень медленно, регулярно останавливаемся, проверяем дорогу, так что лишний час погоды не делает.

Километрах в трех от нас деревня. Я ее только с утра в бинокль разглядел и заметил, что многие трубы дымят: значит, в домах печки топятся. Ну или плиты, тут уж кому что. Похоже, что в деревне люди живут, а не мертвяки, иначе такой идиллии не было бы. Впрочем, истину мы уже давно вывели — чем глуше деревня и дальше от больших городов, тем больше вероятность того, что в ней все живыми останутся. К тому же крестьянин не только хитер и достаточно умен, чтобы выживать в любой ситуации, но еще и служили из мужиков местных все. Это не городские, отмазываться от армейской лямки у них особых возможностей не было.

Вопрос тогда такой: кто мы для деревенских? Городские дурачки, да еще столичные, — законная добыча? У нас ведь и техника, для села идеальная, и стволы, и вообще имущество всякое. Или мы все же выжившие в конце света, как и они? Вот вопрос вопросов, и рано или поздно, но прояснять его придется. Если бы знать, что деревня будет не враждебной, то можно было бы туда смелее заезжать, а то и на ночлег проситься.

Но теперь не до того, выяснять некогда, надо ехать. Мы хоть и прошли вчера немало, но реально лишь Москву обогнули и

только-только начали двигаться в нужном направлении. Это по прямой пятьсот верст, а наш маршрут куда длиннее в силу своей вихлястости.

Наш дозорный УАЗ выскочил на дорогу, мы огляделись. Сумерки уже ушли, день обещал быть солнечным, видимость до самого горизонта нормальная. В общем, колонна пошла. Мы немного ускорились, отрываясь от нее, уходя в головной дозор.

А вообще поездка спокойно пока проходит, тьфу-тьфу-тьфу, подумалось мне. На морфа мы вчера разве что почти нарвались, но ушли спокойно, блеснули разумом, так сказать. Интересно только, «людской» это был морф или какого-то зверя версия? Думаю, что когда-нибудь диссертации еще будут защищать по «морфологии морфов». Вообще-то тема интересная, учитывая, что даже люди меняются довольно разным образом. Согласно условиям обитания или как?

Ну еще от собак дохлых напряг был, да и тот издали, можно даже вовсе это не считать. А пока под зубастыми покрывками нашего вездехода похрустывает асфальт какого-то «междеревенского» двухполосного шоссе, мотор под капотом урчит ровно, бак почти полный, живем помаленьку. И жить будем еще как минимум час, а вот затем... затем надо будет идти к шоссе, пересекать реку, потому как других мостов на этом направлении нет. А мост по понятиям хоть тактическим, хоть стратегическим, хоть военным, хоть варначим, да и просто по жизни — узкое место, перекрыть его легко, я уже об этом говорил, да и вообще такая мысль возвращается в голову регулярно.

Второй мост здесь тоже имеется, но он железнодорожный. Черт знает, сумеем ли мы на него вообще с машинами подняться и проехать по нему? Или мы там просто застрянем? Лучше и не проверять. А то так даже проедешь, а потом выяснишь, что с насыпи не съехать, и покатишь, куда рельсы ведут. Кому такое надо?

Проскочили через несколько деревень, в большинстве из которых жили люди. Нам смотрели вслед, враждебности никакой не проявляли, хоть во взглядах сквозила настороженность. Действительно, мало ли кто мы такие?

В одной же деревне на улицах лежали обгрызенные трупы, в поле зрения попались несколько мертвяков. И опять стая дохлых собак, попытавшихся было увязаться за колонной. Это они живых почуяли или остатки памяти от прошлых сельских кабыздохов работают, которые облаивали все, что едет мимо? Вы-

яснять не стали, не до этого. Просто уехали от них подальше. Что случилось в этой деревне, что она так «озомбела»? Странно, мне казалось, что деревням-то мало что угрожает. Хотя в некоторых только старики и живут, у иных и сил-то защититься не будет, случись там зомби появиться. Но все равно странно.

Когда добрались уже до околицы, я краем глаза увидел что-то справа, поодаль.

— Стой! — окликнул я Мишку. — погоди секунду.

Взялся за бинокль. Непонятное сразу приблизилось, и я выmaterился оторопело. А затем скомандовал:

— Давай туда поближе, остороженько, слышишь?

— А чего там? — спросил Мишка, сворачивая в поле и приглядываясь, щуря свои маленькие глаза.

— Да там трупов куча, — ответил я, после чего скомандовал в рацию: — Колонне продвинуться на километр и ждать нас.

Нечего тут, рядом со стаей дохлых собак, особенно мельтешишь, пусть из поля зрения исчезнут.

По мере приближения к страшному месту мы снова учуяли запах. Мерзкий, тяжелый, липкий и уже привычный аромат разлагающейся мертвой плоти. А затем мы увидели трупы. Четырнадцать человек, взрослые, дети, мужчины, три пожилые женщины, выложенные в неровный ряд. Пятна крови на одежде, кровь в грязи и грязь на ранах, посиневшие лица, изуродованные выстрелами, мелкие белые черви, копошащиеся на трупах.

Волосы зашевелились под шлемом, я почувствовал, как волна слабости накатывает на меня, в глазах потемнело. Вдохнул несколько раз подряд глубоко, пытаюсь восстановить сознание.

— Это что? — тихо спросил Большой.

— Не знаю. Прикройте меня, — ответил я и полез из машины.

На всех трупах пулевые ранения, а на некоторых еще и ножевые. У всех прострелены головы. У одного ребенка, мальчика лет шести, голова расколота сильным ударом, почти расплющена. Многие частично объедены, но почему здесь нет морфов?

— Стреляли в голову после обращения, — сказал Леха, остановившись рядом со мной. — Видишь?

Да, это не перепутаешь, цвет кожи трупов говорит сам за себя. Что-то меняется в зомби настолько, что даже разлагающийся труп отличается. И этих людей кто-то перестрелял и пе-

перезал. Затем, когда они обратились, всем выстрелили в голову — кто-то не хотел раскармливать морфов.

— Тот, кто это сделал,— недалеко,— сказал я.— Совсем недалеко.

— С чего ты взял? — спросил Леха.

— Если кто-то истребил людей в деревне и при этом подумал, как сделать, чтобы не появились морфы,— его это почему-то волнует. Моральную сторону отбрасываем сразу. Вывод — морф опасен для них самих.

— А зомби в деревне? — спросил он.— А собаки?

— Они еще и просто стреляли в людей, как мне кажется. Те пытались или разбежаться, или отбиваться. И собак перебили. А этих поймали, вывезли сюда и перебили.

— Зачем?

— Откуда я знаю? — вздохнул я.— Уроды потому что. Грабили, может быть. Поехали отсюда, все равно ничем не поможем.

Зрелище придавило. Может, и не так, как при иных обстоятельствах, потому что перед нашими глазами прошли уже тысячи трупов, привыкли ко всему, но это... Вспомнился бандит Толя, которого кастрировали и повесили возле Солнечногорска... Ему бы еще вот этих в компанию, которые здесь порезвились.

— По машинам,— пробормотал я и полез на переднее сиденье.— Отъедем на пару верст и встанем, надо подумать, прежде чем дальше соваться.

Дорога завияла, уводя нас от мертвой деревни, поле закончилось, и с двух сторон нас стиснул густой ельник. Мы встали, и я, подхватив планшет с картами, направился к нашей «кашэ-эмке», где и встретился с Сергеичем.

— Про мост думаешь? — сразу спросил он меня.

— Про мост,— кивнул я.— Там деревню всю истребил кто-то. Люди ведь сделали.

— Думаешь, что они могут мост контролировать? — уточнил он.

— Могут. И почти наверняка контролируют.

Я развернул карту на брезенте, закрывавшем прицеп с горючим. Подошли еще и Леха с Машей и Викой, а водители и стрелки остались в «узиках», на всякий случай.

— Аня,— заглянул я в недра «буханки», — обмен какой-нибудь есть?

— Давно нет ничего, со вчерашнего дня еще,— ответила си-

дящая у раций девушка. — Тишина полная кругом, как в пустыне.

Ксения подтвердила ее слова кивком. Но это ничего не значит, у банды, если это банда, может и не быть раций, а может, им просто болтать в эфире не о чем. Например, они не разделяются на группы, так о чем тогда говорить?

Километров пять до моста осталось, того самого, которого я давно опасаясь. Очень он стратегически выгодно расположен, его не объедешь ниоткуда, только через него дальше идти. А если идти, то надо разведывать, чтобы не нарваться.

— Леха, — повернулся я к другу, — опять нам с тобой прогуляться придется. Готов?

— А что, есть другие варианты? — усмехнулся он.

— Не думаю. Давай, в общем, «лохматки» и оружие с ПБС. Как понял?

Ну вот и пригодились подарки Пантелеева. Тихо на разведку сходить — оно в самый раз. И Леха таким же образом вооружился, авось не нашумим лишнего, если что приключится. Тут же помимо врага еще моментик — напорешься где-то на мертвяка, а то и морфа, который мог из деревни убрести, и придется стрелять. И тем самым обозначить себя на местности для любой враждебной твари в радиусе нескольких километров. Оно кому надо?

Пошли лесом, стараясь не терять из виду дорогу слева. Она у нас за путеводную нить была, потому что вела, если верить карте, прямо к мосту. Шли неторопливо, часто осматриваясь, а еще основательней прислушиваясь. Но слышали только птиц, которые словно стоворились шуметь как можно больше, а видеть вообще ничего не видели, что привлекло бы внимание. Шли себе и шли. Когда впереди за деревьями первый просвет появился, замерли.

— Давай вдоль опушки, там осинник густой, — сказал я, указав направление движения.

Осинник в этих местах в лесу как чума. Зарастает им хвойный лес, а потом и вовсе прилипчивый подлесок душист большие деревья. Но нам эти заросли сейчас на руку, уже все зазеленело, листвой ветки одело.

Шли тихо, все время старались держать между собой и потенциально возможным противником кустарник, пни, стволы деревьев. Лесок слева от дороги вскоре заканчивался, заваливаясь по береговому склону к реке, а справа тянулся дальше, и по

нему мы подобрались к мосту метров на сто пятьдесят, не нагря и не вылезая на опушку.

— Не ошиблись,— шепнул Леха.— Тусняк на мосту.

— Точно. Понять бы кто,— прошептал я в ответ, укладываясь на землю за кустами и доставая бинокль.— Ладно, наблюдаем, делаем выводы.

Я глянул на солнце. Оно было еще на юго-востоке, от нас чуть сзади и слева, бликов от нас не будет. Поднял бинокль, приложил к глазам, навел на мост.

Не знаю, они ли перебили людей в деревне или нет, но публика на мосту мне не понравилась. Там стояли два армейских «Урала» поперек движения и белый «крузак», такой, как у Лехи, старой восьмидесятой модели. Вокруг машин люди, все повально с АК-74. Автоматы средненько так вытертые, как в нормальной части бывает, но при этом далеко не старье, у всех рыжие бакелитовые магазины. Кто в камке, а кто и по гражданке одет. Но в камуфляже мало, сам камуфляж — стандартная уставная «флора». Банда все же или вроде нас «партизаны»? Местная самооборона? Они людей убили или защищаются от тех, кто убил?

Перекрыли подъезды к своим краям? Грабят проезжающих? А кто проезжает? Нет никого на трассе. Все же закрылись от кого-то? Перекрыли мост, чтобы мертвяки на тот берег не лезли? Что угодно может быть. Но проверять экспериментальным путем у нас желания нет, не те времена теперь. Пусть их бабай проверяет, если ему надо.

Прямо под насыпью дороги, в траве, вповалку с десятков трупов. И кто это такие? Могли ведь проезжими быть, а могли и мертвяками, кто теперь разберет? Хотя... непокусанных мертвяков почти не бывает. Если видишь двух, то можешь быть уверен, что хоть один из них должен нести на себе следы того, что его когда-то ели. А каждого третьего ели долго и с аппетитом, мало что на нем оставив. А эти? А эти в такой густой траве, что ни черта не видно. Правда, одеты все по-осеннему, а у мертвяков такая однородность редко встречается. Там же кто откуда — кто из дома, кто с работы, а кто вообще из ванной. Вот так, уже нового опыта набрались, даже в живых мертвецах разбираемся. Скажи мне кто об этом месяц назад... Но все равно, ранений не разглядев, судить трудно, тем более с такого расстояния.

Стоящие на мосту болтали о чем-то, некоторые курили. Что-то в голове навязчивое крутилось, как будто какая-то мысль ускользала, как будто напрягись чуть-чуть, и все поймешь, кто они такие и откуда. Стрижки у всех короткие, ни усов ни у кого, ни бороды. Морды у некоторых явно уголовные, но тут еще и стрижки впечатления добавляют. Зэки? Но не все на зэков похожи.

— «Кум» и отрицалово — близнецы-братья,— прошептал рядом Леха.

Ну точно ведь! Ну баран я, что еще сказать? Вертухай с контингентом, все же как на блюде выложено. Какие выводы? Выводы простые: ехать через мост, да еще с женщинами в команде,— трындец. Ждать, когда уйдут? А они не собираются никуда. Сколько их там? Я уже семнадцать насчитал, а может, не всех и вижу?

Так, сколько у нас до другого моста отсюда? До железнодорожного... сто верст примерно, если с этого места, насколько я помню, я уже прикидывал альтернативный маршрут. Сто верст не так страшно, если обменять этот крюк на отсутствие проблем, но там дальше несколько плохих мест будет, а здесь только мост проблемный. Да и что на том мосту нас ждет, кто знает? Я же говорил, что он железнодорожный, и говорил, что может выйти так, что мы с машинами на него и не вскарабкаемся.

— Что думаешь? — шепнул Леха.

— Ничего пока не думаю,— вздохнул я.— Посмотреть надо. Их там взвод, считай. Чего они стоят как бойцы — без понятия, но взвод с автоматами — это по-любому сила.

— Пулеметы или что-то такое видишь? — спросил Леха.— Я не вижу.

— Тоже не видел,— подтвердил я.— Я специально высматривал. Все с «калашами», и ничего больше.

— Что у вертухаев в оружейке может быть? — размышлял вслух Леха.— Эсвэдэхи есть? Пулеметы? Ну там с вышек палить и так далее?

— Я знаю, что ли? — удивился я вопросу.— Без понятия. У Сергеича спросить можно, он в «вованах» служил. Раньше они зоны охраняли, может, и знает.

— Так это когда было!

Наплевав на радиомолчание, запросили Сергеича по радио, благо дальность короткой связи еще позволяла, но он нас не просветил совсем. Он все больше по строевым частям проболтался, закончил службу в Дзержинке, нынешнем ОДОНе. А вертухаи теперь вообще вне структуры МВД, их уже во ФСИН¹ давно передали. В любом случае именно с содержимым караулки он знаком был плохо.

Я огляделся вокруг. Дорога от моста уходила вдаль прямо, без бугров и впадин, видимость должна быть на километр примерно, не меньше. У нас есть оружие с оптикой, а у тех, на мосту, я такого не вижу. С поправкой на отсутствие у контингента реального опыта, могу сказать, что дистанция боя даже в триста метров для них — область фантастики, они с этого расстояния в слона не попадут, даже если тот будет стоять на месте, окрасится в оранжевый цвет и увешается мишенями. Не попадут, потому как будут торопиться, будут целиться по центру, будут лупить очередями, много что делать будут, чего делать не надо.

А вертухаи сообразят? Если сообразят и тем скоман্দуют, то могут по закону больших чисел в кого-то из нас попасть. Это уже хуже. Хотя сомнительно мне, что кто-то из вертухаев большую практику в стрельбе поимел, не та служба, не те должности.

Что мы имеем? Мы имеем пулеметы с отличной дальностью ведения огня, стреляющие старыми длинными патронами от трехлинейки. Мы имеем «Тигра», а по факту, учитывая модернизации, — СВД с такими же патронами, для которого четыреста метров — оптимальная дистанция боя. Мы имеем отличную снайперскую «мосинку» и хороших стрелков с ними. У нас есть «Мухи», но отсюда и под таким углом не попадем толком ни во что: фермы моста мешают. Что имеют они? До взвода людей, с автоматами, возможно, с кучей патронов. Что еще? Да что угодно, кроме бронетехники, ее в кузов «Урала» не спрячешь.

В чем наше преимущество? Нас пока для них нет, нас не обнаружили. Если распределим позиции, цели, приготовимся, прицелимся, то первым залпом можем вывести в расход половину их личного состава. А если они так хором помрут, то вторая половина в момент в штаны накидает, это я гарантирую. И дерьмо в штанах будет мешать им думать о битве.

— Леха, будем воевать, — сказал я, опуская бинокль.

— Есть идея?

¹ Федеральная служба исполнения наказаний.